

КОГНИТИВНЫЕ, ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЛОЛОГИИ

УДК 81

М. Э. Мосесова
Пятигорский государственный университет, Пятигорск

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: СТАТУС, УЧАСТНИКИ, ЖАНРЫ, ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА

Аннотация: *Статья посвящена анализу англо-язычного юридического дискурса. Материалом исследования служат тексты международных конвенций, размещенные в сети Интернет. Автор раскрывает содержание понятия юридический дискурс, характеризует участников коммуникации и ключевые жанры в пределах обозначенной области знания, а также описывает наиболее существенные лингвистические особенности языка права.*

Ключевые слова: *юридический дискурс, право, текст, международные конвенции, статус, жанр, лингвистические особенности, английский язык.*

М. E. Mosesova
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk

GENERAL CHARACTERISTICS OF ENGLISH LEGAL DISCOURSE: STATUS, PARTICIPANTS, GENRES, LANGUAGE SPECIFICS

Annotation: *The article is devoted to the analysis of the English legal discourse. The material of the study is the texts of international conventions posted on the Internet. The author reveals the content of the concept of legal discourse, characterizes the participants of communication and key genres within the designated area of knowledge, and also describes the most significant linguistic features of the language of law.*

Key words: *legal discourse, law, text, international conventions, status, genre, linguistic features, English.*

Термин «дискурс», прочно обосновавшийся в лингвистике и других областях знания, по сегодняшний день не имеет четкого определения и осмысления. Несмотря на наличие широкого спектра научных исследований, затрагивающих проблемы дискурса, по-прежнему имеется целый ряд нерешенных вопросов как в его трактовке, так и в описании ключевых характеристик и элементов.

В рамках настоящей статьи остановимся подробнее на юридическом дискурсе. Многие исследователи отмечают независимый статус коммуни-

кации в области права в общей пара-дигме языка и сходятся во мнении, что юридический дискурс представляет собой статусно-ориентированное или институциональное общение, в котором «коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей» [1; 2; 3 и др.].

Как справедливо полагает В.И. Карасик, в силу своей институциональной природы, юридический дискурс маркирован наличием целого ряда обязательных элементов, к которым автор относит следующие: участники, хронотоп, цели, ценности, жанры и т.д. [4, с. 187]. Отметим, что в качестве участников юридического дискурса могут выступать государство, юридические лица, физические лица, подразумевающие множество других участников, как профессионалов, так и непрофессионалов в сфере юриспруденции [5]; что касается хронотопа (место и время осуществления коммуникации), то в контексте обсуждаемой сферы данному элементу свойственна двойственная природа, поскольку хронотоп носит фиксированный и/или размытый характер и зависит от ситуации общения; ведущей целью юридического дискурса выступает регулирование общественных отношений в соответствии с господствующими ценностями и идеалами, при этом «регулировать – значит устанавливать границы, пределы поведения людей, вносить в общественные отношения стабильность, систему, порядок и тем самым направлять их в определенное русло. А таким качеством обладают именно нормы права, которые применяют равную меру, одинаковый масштаб к различным людям» [6]; ценности юридического дискурса, главным образом, могут быть сведены к достижению верховенства закона и установлению справедливости [7; 8]; с точки зрения жанровых особенностей, юридический дискурс чрезвычайно разнообразен и в зависимости от области применения, устной или письменной ситуации общения может быть реализован посредством следующих жанров: контракты, конвенции, заветания, постановления, парламентские акты, судебные решения и т.д.

В силу того, что рассмотреть юридический дискурс во всех его проявлениях не представляется возможным, сфокусируемся на языковых особенностях обозначенной дискурсивной сферы и на примере текстов конвенций выявим наиболее существенные, с точки зрения лингвистической науки, закономерности.

В ходе эмпирического анализа текстов международных конвенций было установлено, что весь зафиксированный лексический арсенал можно условно классифицировать на три категории: 1) общеупотребительная лексика, которая используется в обыденной речи и понятна всем; 2) юридическая лексика, маркированная специальным правовым содержанием; 3) профессиональная лексика из иных областей знаний (эко-номика,

политика, медицина и др.).

Рассмотрим каждую обозначенную выше категорию слов на конкретных примерах из выборки, начнем с общеупотребительной лексики:

1) States Parties recognize the right of migrant workers and members of their families:

(a) To take part in meetings and activities of trade unions and of any other associations established in accordance with law, with a view to protecting their economic, social, cultural and other interests, subject only to the rules of the organization concerned;

(b) To join freely any trade union and any such association as aforesaid, subject only to the rules of the organization concerned;

(c) To seek the aid and assistance of any trade union and of any such association as aforesaid [9].

2) Migrant workers and members of their families shall have the right to freedom of thought, conscience and religion. This right shall include freedom to have or to adopt a religion or belief of their choice and freedom either individually or in community with others and in public or private to manifest their religion or belief in worship, observance, practice and teaching [9].

Данные выдержки из текстов международных конвенций представляют собой фрагменты информации, которая понятна простому обывателю, не являющемуся специалистом в области права. Исходя из этого, можно сделать вывод, что на лексическом уровне указанные примеры относятся к общеупотребительному регистру английского языка.

Ко второй лексической группе причисляем юридические термины, обладающие особым правовым содержанием, рассмотрим примеры:

3) Migrant workers and members of their families who are deprived of their liberty by arrest or detention shall be entitled to take proceedings before a court, in order that that court may decide without delay on the lawfulness of their detention and order their release if the detention is not lawful. When they attend such proceedings, they shall have the assistance, if necessary without cost to them, of an interpreter, if they cannot understand or speak the language used [9].

4) Migrant workers and members of their families convicted of a crime shall have the right to their conviction and sentence being reviewed by a higher tribunal according to law [9].

Примеры (3) и (4) провозглашают права мигрантов и членов их семей. Здесь фиксируем употребление широкого спектра слов, обслуживающих коммуникацию в сфере юриспруденции, например: *arrest*, *detention*, *court*, *conviction*, *sentence*, *tribunal*, их принадлежность к области права подтверждается соответствующими дефинициями: *arrest* – when the police take someone away and guard them because they may have done something illegal; *detention* – the state of being kept in prison; *court* – the place where a trial is held, or the people there, especially the judge and the jury who

examine the evidence and decide whether someone is guilty or not guilty; *conviction* – a decision in a court of law that someone is guilty of a crime, or the process of proving that someone is guilty; *sentence* – a punishment that a judge gives to someone who is guilty of a crime; *tribunal* – a type of court that is given official authority to deal with a particular situation or problem [10].

Наконец, третью лексическую категорию составляют слова, заимствованные из других областей знания, которые, употребляясь в юридических документах, наполняются правовым содержанием, приведем несколько примеров:

5) Migrant workers shall have the right to transfer their earnings and savings, in particular those funds necessary for the support of their families, from the State of employment to their State of origin or any other State. Such transfers shall be made in conformity with procedures established by applicable legislation of the State concerned and in conformity with applicable international agreements [9].

Очевидно, что лексемы *earnings*, *savings*, *funds* в своем основном значении, как правило, функционируют в экономической сфере, о чем свидетельствуют дефиниции, зафиксированные в словарях: *earnings* – the money that you receive for the work that you do; *savings* – an amount of money that you have not spent, or an amount of something that you have not used; *funds* – an amount of money that is collected and kept for a particular purpose [10].

В следующем примере встречаем, преимущественно, политическую лексику, которая в контексте правовых документов приобретает несколько иной оттенок значения:

6) Elections of members of the Committee shall be held at a meeting of States Parties convened by the Secretary-General at United Nations Headquarters. At that meeting, for which two thirds of the States Parties shall constitute a quorum, the persons elected to the Committee shall be those nominees who obtain the largest number of votes and an absolute majority of the votes of the States Parties present and voting [9], где лексемы *elections*, *quorum*, *votes*, *nominees* находят свое применение в сфере политики: *elections* – when people vote to choose someone for an official position; *quorum* – the smallest number of people who must be present at a meeting so that official decisions can be made; *votes* – an act of voting in an election or meeting, or the choice that you make when you vote; *nominees* – someone who has been officially suggested for an important position, duty, or prize [10].

7) A worker whose employment has been terminated shall be entitled, in accordance with national law and practice, to benefits from unemployment insurance or assistance or other forms of social security, such as old-age or invalidity benefits, under the normal conditions to which such benefits are subject [11].

В примере (7) находим слово *invalidity* – the

state of being too ill, old, or injured to work [10], которое в большей степени относится к медицине и социальной сфере. Данная особенность правовых текстов доказывает еще раз идею о том, что юридическая коммуникация затрагивает все сферы жизнедеятельности индивида, регламентируя и упорядочивая их.

Помимо этого, анализ текстов международных конвенций показал, что в правовых документах весьма высока доля конструкций отрицательной семантики, что, безусловно, поддается логическому объяснению, поскольку данный корпус единиц участвует в актуализации запрета и иных ограничений, обязательных к выполнению, например:

8) Nothing in the present part of the Convention shall have the effect of relieving migrant workers and the members of their families from either the obligation to comply with the laws and regulations of any State of transit and the State of employment or the obligation to respect the cultural identity of the inhabitants of such States [9].

Здесь звучит мысль о том, что трудовые мигранты и члены их семей ни при каких обстоятельствах не могут не повиноваться законам и иным нормативным актам, действующим в стране их пребывания, кроме этого, они обязаны уважать культуру и традиции местного населения. Очевидно, что главными вербализаторами строгого запрета выступают лексемы *nothing*, *any*, *obligation*, а также инфинитивные конструкции *to comply*, *to respect*, которые вкпе придают перформативный характер передаваемой информации и подчеркивают категоричность и критичность выполнения всех условий.

В следующем фрагменте фиксируем употребление отрицательной частицы *not* в связке с модальными глаголами *may/shall*, часто используемыми в текстах международных конвенций:

9) The rights of migrant workers and members of their families provided for in the present Convention may not be renounced. It shall not be permissible to exert any form of pressure upon migrant workers and members of their families with a view to their relinquishing or foregoing any of the said rights. It shall not be possible to derogate by contract from rights recognized in the present Convention. States Parties shall take appropriate measures to ensure that these principles are respected [9].

В представленном фрагменте текста отмечаем употребление конструкций *shall/may not* + глагол, вербализующих запрет или высокую степень должностования и обязательное выполнение указанных требований.

Подводя некоторые итоги, отметим, что юридический дискурс имеет независимый статус в общей языковой парадигме, ему присущи определенные атрибуты, позволяющие говорить об уникальности и неповторимости данной области знания, среди них: а) коммуникация в сфере юриспруденции носит ярко выраженный социаль-

ориентированный характер, заключающийся в установлении, регулировании, обеспечении законности, порядка и норм в контексте всей жизнедеятельности отдельно взятого индивида, государства, общества в целом; б) базовые элементы (участники, жанры, хронотоп и др.) юридического дискурса весьма разнообразны и зависят от конкретной ситуации общения; в) общеупотребительный пласт лексики служит основой языка права, в котором находят свою практическую реализацию как лексемы, известные и понятные всем, так и собственно юридические термины и профессионализмы и единицы языка, заимствованные из других смежных с правом областей знания; г) одной из ключевых особенностей юридического дискурса выступает перформативная составляющая всех механизмов, суть которой сводится к обязательному следованию и выполнению имеющихся предписаний и требований.

Таковы вкратце наши размышления касательно специфики англоязычного юридического дискурса. Безусловно, представленными характеристиками не исчерпывается данная дискурсивная сфера. Очевидно, что специфика коммуникации в юридической сфере во всем ее многообразии не может быть раскрыта полностью в рамках одной статьи, соответственно, в перспективе перед учеными стоит задача более детального и тщательного лингвистического анализа данного феномена.

Список литературы

1. Карасик В. И. Ритуальный дискурс // *Жанры речи: сб. науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. С. 157–170.*
2. Бейлинсон Л. С. Функции институционального дискурса // *Вестник Иркутского государственного университета. Серия 9, Филология. 2009. № 3. С. 142–147.*
3. Слепухин С. Н. Индоевропейские механизмы стереотипизации в юридическом дискурсе (на примере категорий 'persona', 'res mobilis / res immobilis'): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2014. 250 с.
4. Карасик В. И. О категориях дискурса // *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2006. С. 185–197.*
5. Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // *Известия Самарского научно-го центра РАН. 2010. Т.12. №5(2). С. 535–540.*
6. Керимов Д. А. *Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М.: 2003. С. 363.*
7. Кожемякин Е. А. *Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юри-слингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: межвуз. сб. науч. трудов. Кемерово, 2011. С. 131–144.*

8. Mattila H. *Comparative legal linguistics: language of law, Latin and modern lingua Francas*. Ashgate Publishing, 2013. 347 p.

9. *International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families*. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cmw.aspx> (дата обращения 29.11.2018).

10. *Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 29.11.2018).

11. *Termination of Employment Convention (1982)*. URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100::NO:12100:P12100_ILO_CODE:C158:NO (дата обращения 29.11.2018).

References

1. Karasik V.I. *Ritual'nyj diskurs // ZHany rech: sb. nauch. statej. Saratov: Izd-vo GosUNC «Koledzh», 2002. S. 157–170.*

2. Bejlinson L. S. *Funkcii institucional'nogo diskursa // Vest-nik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9, Filologiya. 2009. № 3. S. 142–147.*

3. Slepudin S. N. *Indoevropskie mekhanizmy stereoti-pizacii v yuridicheskom diskurse (na primere kategorij 'persona', 'res mobilis / res immobilis'): dis. ... kand. filol. nauk. Novosi-birsk, 2014. 250 s.*

4. Karasik V. I. *O kategoriyah diskursa // YAzykovaya lich-nost': sociolingvisticheskie i ehmotivnye aspekty: sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 2006. S. 185–197.*

5. Palashevskaya I. V. *Funkcii yuridicheskogo diskursa i dejstviya ego uchastnikov // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. 2010. T.12. №5(2). S. 535–540.*

6. Kerimov D. A. *Metodologiya prava. Predmet, funkcii, problemy filosofii prava. M.: 2003. S. 363.*

7. Kozhemyakin E.A. *YUridicheskij diskurs kak kul'turnyj fe-nomen: struktura i smysloobrazovanie // YUrislingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo: mezhvuz. sb. nauch. trudov. Kemerovo, 2011. S. 131–144.*

8. Mattila H. *Comparative legal linguistics: language of law, Latin and modern lingua Francas*. Ashgate Publishing, 2013. 347 r.

9. *International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families*. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cmw.aspx> (data obrashcheniya 29.11.2018).

10. *Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <http://www.ldoceonline.com> (data obrashcheniya: 29.11.2018).